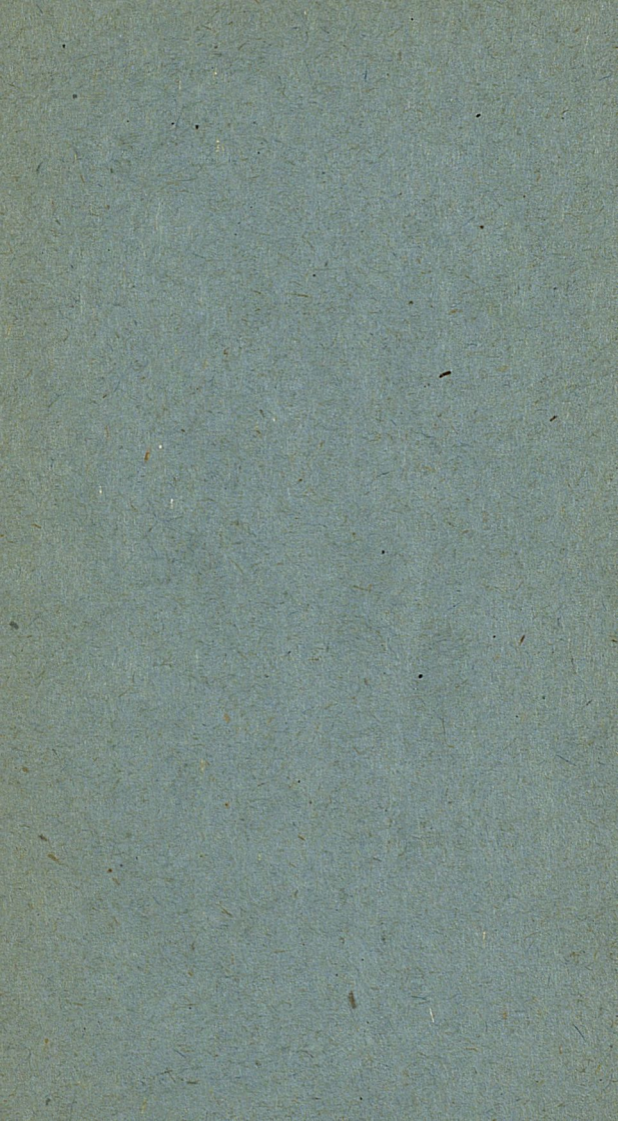

£ $\frac{59}{265}$

59
265

КРОКОДИЛЬ

или

НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТІЕ ВЪ ПАССАЖЪ.

В. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна 30 коп.

Издание и собственность

Е. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, в С. Петербургѣ.

— 00000 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ВЪ МАГАЗИНѢ О. СТЕЛЛОВСКАГО.

ВЫПЛИ и РАЗДАЮТСЯ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 томъ (*)

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Заключающіе въ себѣ: полное собраніе сочиненій **О. М. Достоевскаго**, графа **Л. Н. Толстаго**, **А. О. Писемскаго** и **Вс. В. Крестовскаго**.

Предпринятое мною изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ имѣеть цѣлю—совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого либо сочиненія вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабого распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимся въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы; то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, и слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 35 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ приблизительно будетъ простираеться до 50.

Вышедшіе донныѣ восемь выпусковъ заключаютъ въ себѣ сочиненія: **О. М. Достоевскаго**, въ новомъ просмотрѣнномъ,

(*) Девятый и слѣдующіе тома печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

КРОКОДИЛЬ

ИЛИ

НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТІЕ ВЪ ПАССАЖѢ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНІЕ.

Изданіе и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, в С. Петербургѣ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Дозволено ценсурою. С. Петербургъ, 24-го Іюля, 1865 года.

18554-0

2007115449

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, противъ Юсупова сада, на углу Екатерингофскаго проспекта и Садовой д. Куканова № 2—49.

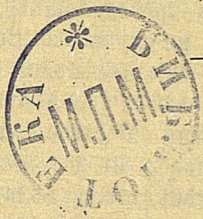
КРОКОДИЛЬ.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТИЕ

ИЛИ

ПАССАЖЪ ВЪ ПАССАЖЪ,

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ О ТОМЪ, КАКЪ ОДИНЪ ГОСПОДИНЪ, ИЗВѢСТНЫХЪ ЛѢТЪ И ИЗВѢСТНОЙ НАРУЖНОСТИ, ПАССАЖНЫМЪ КРОКОДИЛОМЪ БЫЛЪ ПРОГЛОЧЕНЪ ЖИВЪЕМЪ, ВЕСЬ БЕЗЪ ОСТАТКА, И ЧТО ИЗЪ ЭТОГО ВЫШЛО.

Ohè Lambert! Où est Lambert?
As tu vu Lambert?

I

Сего тринадцатаго января текущаго шестьдесятъ пятаго года, въ половинѣ перваго пополудни, жена Ивановна, супруга Ивана Матвѣича, образованнаго друга моего, сослуживца и отчасти отдаленнаго родственника, пожелала посмотрѣть крокодила, показываемаго за извѣстную плату въ Пассаждѣ. Имѣя уже въ карманѣ свой билетъ для выѣзда (не столько по болѣзни, сколько изъ любопытности) за границу, а слѣдственно уже считаясь по службѣ въ отпуску и стало быть будучи совершенно въ то утро свободенъ, Иванъ Матвѣичъ не только не воспрепятствовалъ непреодолимому желанію своей супруги, но даже самъ возгорѣлся любопытствомъ. «Прекрасная идея, сказалъ онъ вседовольно, — осмотримъ крокодила! Собираясь

въ Европу, не худо познакомиться еще на мѣстѣ съ населяющими ее туземцами»,—и съ сими словами, принявъ подъ ручку свою супругу, тотчасъ же отправился съ нею въ Пассаждъ. Я же, по обыкновенію моему, увязался съ ними рядомъ, — въ видѣ домашняго друга. Никогда еще я не видалъ Ивана Матвѣича въ болѣе пріятномъ расположеніи духа, какъ въ то памятное для меня утро,—подлинно, что мы не знаемъ заранѣе судьбы своей! Войдя въ Пассаждъ, онъ немедленно сталъ восхищаться великолѣпіемъ зданія, а подойдя къ магазину, въ которомъ показывалось вновь привезенное въ столицу чудовище, самъ пожелалъ заплатить за меня четвертакъ крокодильщику, — чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Вступивъ въ небольшую комнату, мы замѣтили, что въ ней, ромѣ крокодила, заключаются еще попугаи, изъ иностранной породы какаду и сверхъ того группа обезьянъ въ особомъ шкафу въ углубленіи. У самага же входа, у лѣвой стѣны, стоялъ большой жестяной ящикъ, въ видѣ какъ бы ванны, накрытый крѣпкою желѣзною сѣткой, а на днѣ его было на вершокъ воды. Въ этой-то мелководной лужѣ сохранялся огромнѣйшій крокодилъ, лежавшій какъ бревно, совершенно безъ движенія и видимо лишившійся всѣхъ своихъ способностей отъ нашего сыраго и негостепріимнаго для иностранцевъ климата. Сіе чудовище ни въ комъ изъ насъ сначала не возбудило особаго любопытства.

— Такъ это то крокодилъ! сказала Елена Ивановна голосомъ сожалѣнія и на распѣвъ, а я думала, что онъ... какойнибудь другой!

Вѣроятно все это она думала, что онъ брилліантовый. Вшедшій къ намъ нѣмецъ, хозяинъ-собственникъ крокодила, съ чрезвычайно гордымъ видомъ смотрѣлъ на насъ.

— Онъ правъ, шепнулъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ, — ибо сознаеть, что онъ одинъ во всей Россіи по-казываетъ теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замѣчаніе я тоже от-ношу къ чрезмѣрно благодушному настроенію, овладѣвшему Иваномъ Матвѣичемъ въ другихъ случаяхъ весьма завистливымъ.

— Мнѣ кажется, вашъ крокодилъ неживой, про-говорила, опять Елена Ивановна, пикированная неподатливостью хозяина и съ граціозной улыбкой обращаясь къ нему, чтобъ преклонить сего грубія-на, — маневръ столь свойственный женщинамъ.

— О, нѣтъ, мадамъ, отвѣчалъ тотъ ломанымъ русскимъ языкомъ и тотчасъ-же, приподнявъ до половины сѣтку ящика, сталъ палочкой тыкать крокодила въ голову.

Тогда коварное чудовище, чтобъ показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостомъ, приподняло рыло и испустило нѣчто подобное продолжительному сопѣнью.

— Ну, не сердись, Карльхенъ! ласкательно ска-залъ нѣмецъ, удовлетворенный въ своемъ само-любіи.

— Какой противный этотъ крокодилъ! Я даже испугалась, еще кокетливѣе пролепетала Елена Ивановна, — теперь онъ мнѣ будетъ сниться во снѣ.

— Но онъ васъ не укуситъ во снѣ, мадамъ, галантерейно подхватилъ нѣмецъ и прежде всѣхъ засмѣялся остроумію словъ своихъ, но никто изъ насъ не отвѣчалъ ему.

— Пойдемте, Семень Семенычъ, продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мнѣ, — посмотримте лучше обезьянъ. Я ужасно люблю обезьянъ; изъ нихъ такія душики... а кроко-дилъ ужасенъ.

— О не бойся, другъ мой, прокричалъ намъ

вслѣдъ Иванъ Матвѣичъ, пріятно храбрясь передъ своею супругою.—Этотъ сонливый обитатель фараонова царства ничего намъ не сдѣлаетъ,—и остался у ящика. Мало того, взявъ свою перчатку, онъ началъ щекотать ею носъ крокодила, желая, какъ признался онъ послѣ, заставить его вновь сопѣть. Хозяинъ же послѣдовалъ за Еленой Ивановной, какъ за дамою, къ шкафу съ обезьянами.

Такимъ образомъ все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидѣть. Елена Ивановна даже до рѣзвости развлеклась обезьянами и казалось вся отдалась имъ. Она вскрикивала отъ удовольствія, непрерывно обращаясь ко мнѣ, какъ будто не желая и вниманія обращать на хозяина, и хохотала отъ замѣчаемаго ею сходства сихъ мартышекъ съ ея короткими знакомыми и друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомнѣнное. Нѣмецъ-собственникъ не зналъ смѣяться ему или нѣтъ и потому подконецъ совсѣмъ нахмурился. И вотъ, въ это то самое мгновеніе, вдругъ страшный, могу даже сказать неестественный крикъ потрясъ комнату. Не зная что подумать, я сначала следенѣлъ на мѣстѣ; но замѣчая, что кричитъ уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и—что же увидѣлъ я! Я увидѣлъ,—о Боже!—я увидѣлъ несчастнаго Ивана Матвѣича въ ужасныхъ челюстяхъ крокодиловыхъ, перехваченнаго ими поперегъ туловища, уже поднятаго горизонтально на воздухъ и отчаянно болтавшаго въ немъ ногами. За тѣмъ—мигъ и его не стало. Но опишу въ подробности, потому что я все время стоялъ неподвижно и успѣлъ разглядѣть весь происходившій передо мной процессъ съ такимъ вниманіемъ и любопытствомъ, какого даже и не запомню.—Ибо, думалъ я въ ту роковую минуту, — что еслибъ, вмѣсто Ивана Матвѣича, случилось все это со мной, — какова

была бы тогда мнѣ неприятность! Но къ дѣлу. Крокодилъ началъ съ того, что повернувъ бѣднаго Ивана Матвѣича въ своихъ ужасныхъ челюстяхъ къ себѣ ногами, сперва проглотилъ самыя ноги; потомъ, отрыгнувъ немного Ивана Матвѣича, старавшагося выскочить и цѣплявшагося руками за ящикъ, вновь втянулъ его въ себя уже выше поясицы. Потомъ, отрыгнувъ еще, глотнулъ еще и еще разъ. Такимъ образомъ Иванъ Матвѣичъ видимо исчезалъ въ глазахъ нашихъ. Наконецъ, глотнувъ окончательно, крокодилъ вобралъ въ себя всего моего образованнаго друга и на этотъ разъ уже безъ остатка. На поверхности крокодила можно было замѣтить какъ проходилъ по его внутренности Иванъ Матвѣичъ со всѣми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, какъ вдругъ судьба еще разъ захотѣла вѣроломно подшутить надъ нами: крокодилъ понатужился, вѣроятно давъсь отъ огромности проглоченнаго имъ предмета, снова раскрылъ всю ужасную пасть свою и изъ нея, въ видѣ послѣдней отрыжки, вдругъ на одну секунду выскочила голова Ивана Матвѣича, съ отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ, при чемъ очки его мгновенно свалились съ его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтобъ еще разъ бросить послѣдній взглядъ на всѣ предметы и мысленно проститься со всѣми свѣтскими удовольствіями. Но она не успѣла въ своемъ намѣреніи: крокодилъ вновь собрался съ силами, глотнулъ и въ мигъ она снова исчезла, въ этотъ разъ уже на вѣки. Это появленіе и исчезновеніе еще живой человѣческой головы было такъ ужасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — отъ быстроты ли и неожиданности дѣйствія, или вслѣдствіе паденія съ носу очковъ, — заключало въ себѣ что-то до того смѣшное, что я вдругъ и совсѣмъ

неожиданно фыркнулъ; но спохватившись, что смѣяться въ такую минуту мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, неприлично,—обратился тотчасъ-же къ Еленѣ Ивановнѣ и съ симпатическимъ видомъ сказалъ ей:

— Теперь капутъ нашему Ивану Матвѣичу!

Не могу даже и подуматъ выразить до какой степени было сильно волненіе Елены Ивановны въ продолженіе всего процесса. Сначала, послѣ перваго крика, она какъ бы замерла на мѣстѣ и смотрѣла на представлявшуюся ей кутерьму по-видимому равнодушно, но съ чрезвычайно выкатившимися глазами; потомъ вдругъ залилась раздѣрающимъ воплемъ, но я схватилъ ее за руки. Въ это мгновеніе и хозяинъ, сначала тоже отупѣвшій отъ ужаса, вдругъ всплеснулъ руками и закричалъ, глядя на небо:

— О, мой крокодилъ, о мейнъ аллерлибстеръ Карльхенъ! Муттеръ, муттеръ, муттеръ!

На этотъ крикъ отворилась задняя дверь и показалась муттеръ, въ чепцѣ, румяная, пожилая, но растрепанная, и съ визгомъ бросилась къ своему нѣмцу.

Тутъ-то начался содомъ: Елена Ивановна выкрикивала какъ изступленная одно только слово: «вспороть! вспороть!» и бросалась къ хозяину и къ муттеръ, по-видимому упрямивая ихъ—вѣроятно въ самозабвеніи—кого-то и за что-то вспороть. Хозяинъ-же и муттеръ ни на кого изъ насъ не обращали вниманія: они оба были какъ телята около ящика.

— Онъ пропадилъ, онъ сейчасъ будетъ лопаль, потому что онъ проглатилъ ганцъ чиновникъ! кричалъ хозяинъ.

— Унзеръ Карльхенъ, унзеръ аллерлибстеръ Карльхенъ вирдъ штербенъ! выла хозяйка.

— Мы сироттъ и безъ клѣббъ! подхватываль хозяйнѣ.

— Вспороть, вспороть, вспороть! заливалася Елена Ивановна, вцѣпившись въ сюртукъ нѣмца.

— Онъ дразнилъ крокодилъ, — зачѣмъ вашъ мужъ дразнилъ крокодилъ! кричалъ отбиваясь нѣмецъ, — ви заплатить, если Карльхенъ вирдъ лопаль, — дасъ варъ мейнъ зонъ, дасъ варъ мейнъ айнцигеръ зонъ!

Признаюсь, я былъ въ страшномъ негодованіи, видя такой эгоизмъ заѣзжаго нѣмца и сухость сердца въ его растрепанной муттеръ; тѣмъ не менѣе, непрерывно повторяемые крики Елены Ивановны: «вспороть, вспороть!» еще болѣе возбуждали мое безпокойство и увлекли наконецъ все мое вниманіе, такъ что я даже испугался... Скажу заранѣе—странныя сіи восклицанія были поняты мною совершенно превратно: мнѣ показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновеніе рассудокъ, но тѣмъ не менѣе, желая отмстить за гибель любезнаго ей Ивана Матвѣича, предлагала, въ видѣ слѣдуемаго ей удовлетворенія, наказать крокодила розгами. А между тѣмъ она разумѣла совсѣмъ другое. Не безъ смущенія озираясь на дверь, началъ я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять цекотливаго слова: «вспороть». Ибо такое ретроградное желаніе, здѣсь, въ самомъ сердцѣ Пассажа и образованнаго общества, въ двухъ шагахъ отъ той самой залы, гдѣ можетъ быть въ эту самую минуту господинъ Лавровъ читалъ публичную лекцію, — не только было невозможно, но даже невысказуемо и съ минуты на минуту могло привлечь на насъ свистки образованности и каррикатуры г. Степанова. Къ ужасу моему я немедленно оказался правъ въ пугливыхъ подозрѣніяхъ моихъ: вдругъ раздвинулась занавѣса,

вѣсь, отдѣлявшая крокодилъную отъ входной коморки, въ которой собирали четвертаки, и на порогѣ показалась фигура съ усами, съ бородой и съ фуражкой въ рукахъ, весьма сильно нагибавшаяся верхнею частью тѣла впередъ и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогомъ крокодилъной, чтобъ сохранить за собой право не заплатить за входъ.

— Такое ретроградное желаніе, сударыня, сказалъ незнакомецъ, стараясь не перевалиться какъ нибудь къ намъ и устоять за порогомъ,—не дѣлаетъ чести вашему развитію и обуславливается недостаткомъ фосфору въ вашихъ мозгахъ. Вы немедленно будете освистаны въ хроникѣ прогресса и въ сатирическихъ листкахъ нашихъ...

Но онъ не докончилъ: опомнившійся хозяинъ съ ужасомъ увидѣвъ человѣка говорящаго въ крокодилъной и ничего за это незаплатившаго, съ яростію бросился на прогрессивнаго незнакомца и обоими кулаками вытолкалъ его въ шею. На минуту оба скрылись изъ глазъ нашихъ за занавѣсью и тутъ только я наконецъ догадался, что вся кутерьма вышла изъ ничего; Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала, — какъ уже замѣтилъ я выше,—подвергать крокодила ретроградному и унижительному наказанію розгами, а просто-запросто пожелала, чтобъ ему только вспороли ножомъ брюхо и такимъ образомъ освободили изъ его внутренности Ивана Матвѣича.

— Какъ! ви хатить, чтобъ мой крокодилъ пропалъ! — завопилъ вбѣжавшій опять хозяинъ; — нѣтъ, пускай вашъ мужъ сперва пропалъ, а потомъ крокодилъ!.. Мейнъ фатеръ показалъ крокодилъ, мейнъ гросфатеръ показалъ крокодилъ, мейнъ зонъ будетъ показать крокодилъ, и я будетъ показать крокодилъ! Всѣ будутъ показать

крокодилы! Я ганць Европа извѣстенъ, а ви не-извѣстенъ ганць Европа и мнѣ платить штрафъ.—

— Я, я! подхватила злобная нѣмка,—ми васъ не пускайть, штрафъ когда Карльхенъ лопаль!

— Да и бесполезно вспарывать, спокойно прибавилъ я, желая отвлечь Елену Иваповну поскорѣе домой,—ибо нашъ милый Иванъ Матвѣичъ по всей вѣроятности парить теперь гдѣ нибудь въ эмпиреяхъ.

— Другъ мой, раздался въ эту минуту совершенно неожиданно голосъ Ивана Матвѣича, изумившій насъ до крайности,—другъ мой, мое мнѣніе—дѣйствовать прямо черезъ контору надзирателя, ибо нѣмецъ безъ помощи полиціи не пойметъ истины.

Эти слова, высказанныя твердо, съ вѣсомъ и выражавшія присутствіе духа необыкновенное, сначала до того изумили насъ, что мы всѣ отказались—было вѣрить ушамъ нашимъ. Но разумѣется тотчасъ-же подбѣжали къ крокодильному ящику и столько-же съ благоговѣніемъ, сколько и съ недоувѣрчивостью слушали несчастнаго узника. Голосъ его былъ заглушенный, тоненькій и даже крикливый, какъ будто выходившій изъ значительнаго отъ насъ отдаленія. Похоже было на то, когда какой-либо шутникъ, уходя въ другую комнату и закрывъ ротъ обыкновенной спальной подушкой, начинаетъ кричать, желая представить оставшейся въ другой комнатѣ публикѣ какъ перекликаются два мужика въ пустынѣ или будучи раздѣлены между собою глубокимъ оврагомъ,—что я имѣлъ удовольствіе слышать однажды у моихъ знакомыхъ на святкахъ.

— Иванъ Матвѣичъ, другъ мой, и такъ ты живъ! лепетала Елена Ивановна.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ,—

и благодаря Всевышняго проглоченъ безъ всякаго поврежденія. Безпокоюсь-же единственно о томъ, какъ взглянетъ на сей эпизодъ начальство; ибо, получивъ билетъ за-границу, угодилъ въ крокодила, что даже и неостроумно...

— Но другъ мой, не заботься объ остроуміи; прежде всего надобно тебя отсюда какъ-нибудь выковырять,—прервала Елена Ивановна.

— Ковыряйтъ! вскричалъ хозяинъ,—я не дамъ ковыряйтъ крокодилъ. Теперь публикумъ будетъ ошень больше ходиль, а я буду фуфцигъ копѣекъ просиль, и Карльхенъ перестанетъ лопаль.

— Готь зей данкъ! подхватила хозяйка.

— Они правы, спокойно замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ,—экономическій принципъ прежде всего.

— Другъ мой, закричалъ я,—сейчасъ-же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что намъ однимъ этой каши не сварить.

— И я тоже думаю, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ,—но безъ экономического вознагражденія трудно въ нашъ вѣкъ торговаго кризиса даромъ вспоротъ брюхо крокодилово, а между тѣмъ представляется неизбѣжный вопросъ: что возьметъ хозяинъ за своего крокодила? а съ нимъ и другой: кто заплатитъ? ибо ты знаешь, я средствъ не имѣю...

— Развѣ въ счетъ жалованья, робко замѣтилъ я, но хозяинъ тотчасъ-же меня прервалъ:—Я пе продавайтъ крокодилъ, я три тысячи продавайтъ крокодилъ, я четыре тысячи продавайтъ крокодилъ! Теперь публикумъ будетъ много ходиль. Я пять тысячъ продавайтъ крокодилъ!

Однимъ словомъ — онъ куражился нестерпимо; корыстолюбіе и гнусная алчность радостно сіяли въ глазахъ его.

— Ъду! закричалъ я въ негодованіи.

— И я! и я тоже! я поѣду къ самому Андрею Осипычу, я смягчу его моими слезами, заняла Елена Ивановна.

— Не дѣлай этого, другъ мой, поспѣшно прервалъ ее Иванъ Матвѣичъ, ибо давно уже ревновалъ свою супругу къ Андрею Осипычу и зналъ, что она рада съѣздить поплакать передъ образованнымъ человѣкомъ, потому что слезы къ ней очень шли.—Да и тебѣ мой другъ не совѣтую, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—нечего ѣхать прямо съ бухты-барахты; еще что изъ этого выйдетъ. А заѣзжай-ка ты лучше сегодня, такъ, въ видѣ частнаго посѣщенія, къ Тимофею Семенычу. Человѣкъ онъ старомодный и недалекій, но солидный и главное—прямой. Поклонись ему отъ меня и опиши обстоятельства дѣла. Такъ-какъ я долженъ ему за послѣдній ералашъ семь рублей, то передай ихъ ему при этомъ удобномъ случаѣ: это смягчитъ суроваго старика. Во всякомъ случаѣ его совѣтъ можетъ послужить для насъ руководствомъ. А теперь уведи пока Елену Ивановну...—Успокойся, другъ мой, продолжалъ онъ ей, — я усталъ отъ всѣхъ этихъ криковъ и бабьихъ дразгъ и желаю немного соснуть. Здѣсь-же тепло и мягко, хотя я и не успѣлъ еще осмотрѣться въ этомъ неожиданномъ для меня убѣжищѣ...

— Осмотрѣться! развѣ тебѣ тамъ свѣтло? вскрикнула обрадованная Елена Ивановна.

— Меня окружаетъ непробудная ночь, отвѣчалъ бѣдный узникъ,—но я могу щупать и такъ сказать осматриваться руками... Прощай-же, будь спокойна и не отказывай себѣ въ развлеченіяхъ. До завтра! Ты же, Семень Семенычъ, побывай ко мнѣ вечеромъ и такъ какъ ты разсѣянъ и можешь забыть, то завяжи узелокъ...

Признаюсь, я и радъ былъ уйти, потому что

слишкомъ усталъ, да отчасти и наскучило. Взявъ поспѣшно подъ-ручку унылую, но похорошѣвшую отъ волненія Елену Ивановну, я поскорѣе вывелъ ее изъ крокодильной.

— Вечеромъ за входъ опять четвертакъ! крикнулъ намъ вслѣдъ хозяинъ.

— О Боже, какъ они жадны! проговорила Елена Ивановна, глядясь въ каждое зеркало въ простѣнкахъ Пассажа и видимо сознавая, что она похорошѣла.

— Экономическій принципъ, отвѣчалъ я съ легкимъ волненіемъ и гордясь моею дамою передъ прохожими.

— Экономическій принципъ... — протянула она симпатическимъ голоскомъ, — я ничего не поняла, что говорилъ сейчасъ Иванъ Матвѣичъ объ этомъ противномъ экономическомъ принципѣ.

— Я объясню вамъ, отвѣчалъ я и немедленно началъ рассказывать о благодѣтельныхъ результатахъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ наше отечество, о чемъ прочелъ еще утромъ въ «Петербургскихъ Извѣстіяхъ» и въ «Волосѣ».

— Какъ это все странно! прервала она, прослушавъ нѣкоторое время, — да перестаньте-же, противный; какой вы вздоръ говорите... Скажите — я очень красна?

— Вы прекрасны, а не красны! замѣтилъ я, пользуясь случаемъ сказать комплементъ.

— Шалунъ! пролепетала она самодовольно. — Бѣдный Иванъ Матвѣичъ, прибавила она черезъ минуту, кокетливо склонивъ на плечо головку, — мнѣ право его жаль, ахъ Боже мой! вдругъ вскрикнула она, — скажите, какъ же онъ будетъ сегодня тамъ кушать и... и... какъ же онъ будетъ... если ему чего нибудь будетъ надобно?..

— Вопросъ непредвидѣнный, отвѣчалъ я, тоже

озадаченный. Мнѣ по правдѣ это не приходило и въ голову, до того женщины практичнѣе насъ мужчинъ при рѣшеніи житейскихъ задачъ!

— Бѣдняжка, какъ это онъ такъ втюрился... и никакихъ развлеченій и темно... какъ досадно, что у меня не осталось его фотографической карточки... И такъ я теперъ въ родѣ вдовы, прибавила она съ обольстительной улыбкой, очевидно интересуясь новымъ своимъ положеніемъ,—гм... все таки мнѣ его жаль!..

Однимъ словомъ—выражалась весьма понятная и естественная тоска молодой и интересной жены о погибшемъ мужѣ. Я привелъ ее наконецъ домой, успокоилъ и, пообѣдавъ вмѣстѣ съ нею, послѣ чашки ароматнаго кофе отправился въ шесть часовъ къ Тимофею Семенычу, рассчитывая, что въ этотъ часъ всѣ семейные люди опредѣленныхъ занятій сидятъ или лежатъ по домамъ.

Написавъ сію первую главу слогомъ приличнымъ рассказному событію, я намѣренъ далѣе употреблять слогъ хотя и не столь возвышенный, но за то болѣе натуральный, о чемъ и извѣщаю заранѣе читателя.

II.

Почтенный Тимофей Семенычъ встрѣтилъ меня какъ то торопливо и какъ будто немного смѣшавшись. Онъ провелъ меня въ свой тѣсный кабинетъ и плотно притворилъ дверь: «чтобы дѣти не мѣшали», проговорилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. За тѣмъ посадилъ меня на стулъ у письменнаго стола, самъ сѣлъ въ кресла, запахнулъ полы своего стараго ватнаго халата и принялъ, на всякій случай, какой то офіціальныи, даже почти строгій видъ, хотя вовсе не былъ моимъ или Ивана

Матвѣича начальникомъ, а считался до сихъ поръ обыкновеннымъ сослуживцемъ и даже знакомымъ.

— Прежде всего, началъ онъ, — возьмите во вниманіе, что я не начальство, а такой-же точно подначальный человѣкъ какъ и вы, какъ и Иванъ Матвѣичъ... Я сторона и ввязываться ни во что не намѣренъ.

Я удивился, что повидимому онъ уже все это знаетъ. Не смотря на то, рассказалъ ему вновь всю исторію съ подробностями. Говорилъ я даже съ волненіемъ, ибо исполнялъ въ эту минуту обязанность истиннаго друга. Онъ выслушалъ безъ особаго удивленія, но съ явнымъ признакомъ подзрительности.

— Представьте, сказалъ онъ выслушавъ, — я всегда полагалъ, что съ нимъ непременно это случится.

— Почему-же-съ, Тимофѣй Семенычъ, случай самъ по себѣ весьма необыкновенный-съ...

— Согласенъ. Но Иванъ Матвѣичъ во все теченіе службы своей именно клонилъ къ такому результату. Притокъ-съ, заносчивъ даже. Все «прогрессъ» да разныя идеи-съ, а вотъ куда прогрессъ-то приводитъ!

— Но вѣдь это случай самый необыкновенный, и общимъ правиломъ для всѣхъ прогрессистовъ его никакъ нельзя положить...

— Нѣтъ ужъ это такъ-съ. Это, видите ли, отъ излишней образованности происходитъ, повѣрьте мнѣ-съ. Ибо люди излишне образованные лѣзутъ во всякое мѣсто-съ и преимущественно туда, гдѣ ихъ вовсе не спрашиваютъ. Впрочемъ можетъ вы больше знаете, прибавилъ онъ какъ-бы обижаясь.— Я человѣкъ не столь образованный и старый; съ солдатскихъ дѣтей началъ и службѣ моей пятидесятилѣтній юбилей сего года пошелъ-съ.

— О нѣтъ, Тимофѣй Семенычъ, помилуйте. Напротивъ, Иванъ Матвѣичъ жаждетъ вашего совѣта, руководства вашего жаждетъ. Даже, такъ-сказать, со слезами-съ.

— «Такъ сказать со слезами-съ». Гм. Ну, это слезы крокодиловы и имъ не совсѣмъ можно вѣрить. Ну зачѣмъ, скажите, потянуло его за границу? Да и на какія деньги? Вѣдь онъ и средствъ не имѣетъ?

— На скопленное, Тимофѣй Семенычъ, изъ послѣднихъ наградныхъ, отвѣчалъ я жалобно. — Всего на три мѣсяца хотѣлъ съѣздить, — въ Швейцарію... на родину Вильгельма Теля.

— Вильгельма Теля? Гм!

— Въ Неаполѣ встрѣтитъ весну хотѣлъ-съ. Осмотрѣть музей, нравы, животныхъ...

— Гм! животныхъ? А по моему такъ просто изъ гордости. Какихъ животныхъ? Животныхъ? Развѣ у насъ мало животныхъ? Есть звѣринцы, музей, верблюды. Медвѣди подъ самымъ Петербургомъ живутъ. Да вотъ онъ и самъ засѣлъ въ крокодилѣ...

— Тимофѣй Семенычъ, помилуйте, человѣкъ въ несчастіи, человѣкъ прибѣгаетъ какъ къ другу, какъ къ старшему родственнику, совѣта жаждетъ, а вы — укоряете... Пожалѣйте хоть несчастную Елену Ивановну!

— Это вы про супругу-съ? Интересная дамочка, — проговорилъ Тимофѣй Семенычъ, видимо смягчаясь и съ апетитомъ нюхнувъ табаку. — Особа субтильная. И какъ полна, и головку все такъ на бочокъ, на бочокъ... очень пріятно-съ. Андрей Осипычъ еще третьяго дня упоминалъ.

— Упоминалъ?

— Упоминалъ-съ, и въ выраженіяхъ весьма лестныхъ. Бюсть, говоритъ, — взгляды, прическа...

Конфетка, говоритъ, а не дамочка, и тутъ же засмѣялись. Молодые они еще люди. — Тимофѣй Семенычъ съ трескомъ высморкался. — А между тѣмъ вотъ и молодой человѣкъ, а какую карьеру себѣ составляютъ-съ...

— Да вѣдь тутъ совсѣмъ другое, Тимофѣй Семенычъ.

— Конечно, конечно-съ.

— Такъ какъ-же, Тимофѣй Семенычъ?

— Да что-же я-то могу сдѣлать?

— Посовѣтуйте-съ, руководите, какъ опытный человѣкъ, какъ родственникъ! Что предпринять? Идти ли по начальству или...

— По начальству? Отнюдь нѣтъ-съ, — торопливо произнесъ Тимофѣй Семенычъ. — Если хотите совѣта, то прежде всего надо это дѣло замять и дѣйствовать такъ сказать въ видѣ частнаго лица. Случай подозрительный-съ, да и небывалый. Главное небывалый, примѣра не было-съ да и плохо рекомендующій... Поэтому осторожность прежде всего... Пусть ужъ тамъ себѣ полежитъ. Надо выждать, выждать...

— Да какъ же выждать, Тимофѣй Семенычъ? Ну что если онъ тамъ задохнется?

— Да почему-же-съ? Вѣдь вы кажется говорили, что онъ даже съ довольнымъ комфортомъ устроился?

Я рассказалъ все опять. Тимофѣй Семенычъ задумался.

— Гм! проговорилъ онъ, вертя табатерку въ рукахъ, — по моему даже и хорошо, что онъ тамъ на время полежитъ, вмѣсто заграницы-то-съ. Пусть на досугѣ подумаетъ; разумѣется задыхаться не надо, и потому надо взять надлежащія мѣры для сохраненія здоровья: ну, тамъ, остерегаться кашля и прочаго... А что касается нѣмца, то по мо-

ему личному мнѣнію онъ въ своемъ правѣ, и даже болѣе другой стороны, потому что въ *его* крокодила влѣзли безъ спросу, а не *онъ* влѣзъ безъ спросу въ крокодила Ивана Матвѣичева, у котораго впрочемъ, сколько я запомню, и не было своего крокодила. Ну-съ, а крокодилъ составляетъ собственность, стало быть безъ вознагражденія его взрѣзать нельзя-съ.

— Для спасенія человѣчества, Тимофѣй Семенычъ.

— Ну ужъ это дѣло полиціи-съ. Туда и слѣдуетъ отнести.

— Да вѣдь Иванъ Матвѣичъ можетъ и у насъ понадобится. Его могутъ потребовать-съ.

— Иванъ-то Матвѣичъ понадобится? хе-хе! Къ тому же вѣдь онъ считается въ отпуску, стало быть мы можемъ и игнорировать, а онъ пусть осматриваетъ тамъ европейскія земли. Другое дѣло, если онъ послѣ сроку не явится, ну тогда и спросимъ, справки наведемъ...

— Три-то мѣсяца! Тимофѣй Семенычъ, помилуйте!

— Самъ виновать-съ. Ну кто его туда соваль? эдакъ пожалуй придется ему казенную няньку нанять-съ, а этого и по штату не полагается. А главное — крокодилъ есть собственность, стало быть тутъ уже такъ называемый экономическій принципъ въ дѣйствиіи. А экономическій принципъ прежде всего-съ. Еще третьяго дня у Луки Андреича на вечерѣ Игнатій Прокофѣичъ говорилъ. Игнатія Прокофѣича знаете? Капиталистъ, при дѣлахъ-съ, и знаете складно такъ говорить: «Намъ нужна, говоритъ, промышленность, промышленности у насъ мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значить среднее сословіе, такъ называемую буржуазію надо родить. А такъ какъ

нѣтъ у насъ капиталовъ, значитъ надо ихъ изъ-за границы привлечь. Надо во-первыхъ, дать ходъ иностраннымъ компаніямъ для скупки по участкамъ нашихъ земель, какъ вездѣ утверждено теперь за границей. Общинная собственность—ядъ, говоритъ, гибель! И знаете съ жаромъ такъ говоритъ; ну, имъ прилично: люди капитальные... да и неслужащіе. Съ общиной, говоритъ, ни промышленность, ни земледѣліе не возвысятся. Надо, говоритъ, чтобъ иностранныя компаніи скупили по возможности всю нашу землю по частямъ, а потомъ дробить, дробить, дробить какъ можно въ мелкіе участки, и знаете,—рѣшительно такъ произносить: ддррробить, говоритъ, а потомъ и продавать въ личную собственность. Да и не продавать, а просто арендовать. Когда говоритъ, вся земля будетъ у привлеченныхъ иностранныхъ компаній въ рукахъ, тогда значитъ можно какую угодно цѣну на аренду назначить. Стало бытъ мужикъ будетъ работать уже втрое, изъ одного насущнаго хлѣба, и его можно когда угодно согнать. Значитъ онъ будетъ чувствовать, будетъ покорень, прилежень и втрое за ту же цѣну выработаетъ. А теперъ въ общинѣ что ему! Знаетъ, что съ голоду не помретъ, ну и лѣнится, и пьянствуетъ. А межъ тѣмъ къ намъ и деньги привлекутся, и капиталы заведутся, и буржуазія пойдетъ. Вонъ и англійская политическая и литературная газета Теймсъ, разбирая наши финансы, отзывалась намедни, что потому и не растутъ наши финансы, что средняго сословія нѣтъ у насъ, кошель большихъ нѣтъ, пролетаріевъ услужливыхъ нѣтъ... Хорошо говоритъ Игнатій Прокофьичъ. Ораторъ-съ. Самъ по начальству отзывъ хочетъ подать и потомъ въ «Извѣстіяхъ» напечатать. Это ужъ не стишки, подобно Ивану Матвѣичу...

— Такъ какъ же Иванъ-то Матвѣичъ? ввер-

нулъ я, давъ поболтать старику. Тимофей Семенычъ любилъ иногда поболтать и тѣмъ показать, что и онъ не отсталъ и все это знаетъ.

— Иванъ то Матвѣичъ какъ-съ? Такъ вѣдь я къ тому и клоню-съ. Сами-же мы вотъ хлопчемъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ въ отечество, а вотъ посудите: едва только капиталъ привлеченнаго крокодилщика удвоился черезъ Ивана Матвѣича, а мы, чѣмъ бы протезировать иностраннаго собственника, напротивъ стараемся самому то основному капиталу брюхо вспороть. Ну сообразно ли это? По моему Иванъ Матвѣичъ, какъ истинный сынъ отечества, долженъ еще радоваться и гордиться тѣмъ, что собою цѣнность иностраннаго крокодила удвоилъ, а пожалуй еще и утроилъ. Это для привлеченія надобно-съ. Удастся одному, смотришь и другой съ крокодиломъ пріѣдетъ, а третій ужъ двухъ и трехъ за-разъ привезетъ, а около нихъ капиталы группируются. Вотъ и буржуазія. Надобно поощрять-съ.

— Помилуйте, Тимофей Семенычъ! вскричалъ я, — да вы требуете почти неестественнаго самоотверженія отъ бѣднаго Ивана Матвѣича!

— Ничего я не требую-съ, и прежде всего прошу васъ, — какъ уже и прежде просилъ, — сообразить, что я не начальство и стало быть требовать ни отъ кого и ничего не могу. Какъ сынъ отечества говорю, т. е. говорю не какъ «Сынъ Отечества», а просто какъ сынъ отечества говорю. Опять-таки кто жь велѣлъ ему лѣзть въ крокодила? Человѣкъ солидный, человѣкъ извѣстнаго чина, состоящій въ законномъ бракѣ и вдругъ — такой шагъ! Сообразно ли это?

— Но вѣдь этотъ шагъ случился нечаянно-съ.

— А кто его знаетъ? И притомъ изъ какихъ суммъ заплатить крокодилщику, скажите-ка?

— Развѣ въ счетъ жалованья, Тимофей Семенычъ?

— Достанетъ-ли-съ?

— Не достанетъ, Тимофей Семенычъ, отвѣчалъ я съ грустію.— Крокодилщикъ сначала испугался, что лопнетъ крокодилъ, а потомъ, какъ убѣдился, что все благополучно, заважничалъ, и обрадовался, что можетъ цѣну удвоить.

— Утроить, учетверить развѣ! Публика теперь прихлынетъ, а крокодилщики ловкій народъ. Къ тому же и мясоѣдъ, склонность къ увеселеніямъ и потому, — повторяю, — прежде всего пусть Иванъ Матвѣичъ наблюдаетъ инкогнито, пусть не торопится. Пусть всѣ пожалуй знаютъ, что онъ въ крокодилѣ, но не знаютъ официально. Въ этомъ отношеніи Иванъ Матвѣичъ находится даже въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что числится за границей. Скажутъ, что въ крокодилѣ, а мы и не повѣримъ. Это можно такъ подвести. Главное — пусть выжидаетъ да и куда ему спѣшить?

— Ну, а если...

— Не беспокойтесь, сложенія плотнаго-съ...

— Ну, а потомъ, когда выждетъ?

— Ну-съ, не скрою отъ васъ, что случай до крайности казусный. Сообразиться нельзя-съ, и главное то вредить, что не было до сихъ поръ примѣра подобнаго. Будь у насъ примѣръ, еще можно бы какъ нибудь руководствоваться. А то какъ тутъ рѣшишь? Станешь соображать, а дѣло затянется.

Счастливая мысль блеснула у меня въ головѣ.

— Нельзя ли устроить такъ-съ, сказалъ я, — что ужъ если суждено ему оставаться въ нѣдрахъ чудовища и, волею провидѣнія, сохранится его жи-

вотъ, нельзя ли подать ему прошеніе о томъ, чтобы числиться на службѣ?

— Гм... развѣ въ видѣ отпуска и безъ жалованья...

— Нѣтъ-съ, нельзя ли съ жалованьемъ-съ?

— На какомъ же основаніи?

— Въ видѣ командировки...

— Какой и куда?

— Да въ нѣдра же, въ крокодиловы нѣдра... Какъ сказать для справокъ, для изученія фактовъ на мѣстѣ. Конечно это будетъ ново, но вѣдь это прогрессивно и въ то же время покажетъ заботливость о просвѣщеніи-съ...

Тимофей Семенычъ задумался.

— Командировать особаго чиновника, сказалъ онъ наконецъ:—въ нѣдра крокодила, для особыхъ порученій, по моему личному мнѣнію—нелѣпо-съ. По штату не полагается. Да и какія могутъ быть уда порученія?

— Да для естественнаго такъ сказать изученія природы на мѣстѣ, въ живьѣ-съ. Нынче все попли естественныя науки-съ, ботаника... Онъ бы тамъ жилъ и общался-съ... ну тамъ о пищевареніи или просто о нравахъ. Для скопленія фактовъ-съ.

— То есть это по части статистики. Ну, въ этомъ не силенъ, да и не философъ. Вы говорите: факты,—мы и безъ того завалены фактами и не знаемъ, что съ ними дѣлать. Притомъ же эта статистика опасна...

— Чѣмъ-же-съ?

— Опасна-съ. И къ тому жъ, согласитесь, онъ будетъ сообщать факты такъ сказать лежа на боку. развѣ можно служить лежа на боку? Это ужъ пять нововведеніе, и притомъ опасное-съ; и опять-таки примѣра такого не было. Вотъ еслибъ намъ

хоть какой нибудь примѣрчикъ, такъ по моему мнѣнію пожалуй и можно бы командировать.

— Но вѣдь и крокодиловъ живыхъ не привозили до сихъ поръ, Тимофей Семенычъ.

— Гм! да... онъ опять задумался.— Если хотите, это возраженіе ваше справедливо и даже могло бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему производству дѣла. Но опять возьмите и то, что если съ появленіемъ живыхъ крокодиловъ начнутъ исчезать служащіе и потомъ, на основаніи того, что тамъ тепло и мягко, будутъ требовать туда командировокъ, а пстомъ лежать на боку... согласитесь сами — дурной примѣръ-сь. Вѣдь эдакъ пожалуй всякій туда полѣзетъ даромъ деньги-то брать.

— Порадѣйте, Тимофей Семенычъ! Кстати-сь: Иванъ Матвѣичъ просилъ передать вамъ карточный должокъ, семь рублей, въ ералашъ-сь...

— Ахъ это онъ проигралъ намедни, у Никифоръ Никифорыча! Помню-сь. И какъ онъ тогда былъ веселъ, смѣшилъ, и вотъ!..

Старикъ былъ искренно тронуть.

— Порадѣйте, Тимофей Семенычъ.

— Похлопочу-сь. Отъ своего лица поговорю, частнымъ образомъ въ видѣ справки. А впрочемъ разузнайте-ка такъ, неофициально, со стороны, какую именно цѣну согласился бы взять хозяинъ за своего крокодила?

Тимофей Семенычъ видимо подобрѣлъ.

— Непремѣнно-сь, отвѣчалъ я:— и тотчасъ же явлюсь къ вамъ съ отчетомъ.

— Супруга-то... одна теперъ? Скучаетъ?

— Вы бы навѣстили, Тимофей Семенычъ.

— Навѣщу-сь, я еще давеча подумалъ, да и случай удобный... И зачѣмъ, зачѣмъ это его дергало смотрѣть крокодила! А впрочемъ я бы и самъ желалъ посмотреѣть.

— Навѣстите-ка бѣднаго, Тимофей Семенычъ.

— Навѣщу-съ. Конечно я этимъ шагомъ моимъ не хочу обнадеживать. Я прибуду какъ частное лицо... Ну-съ, до свиданія, я вѣдь опять къ Никифоръ-Никифорычу; будете?

— Нѣтъ-съ, я къ узнику.

— Да-съ, вотъ теперь и къ узнику!.. Э-эхъ, легкомысліе!

Я распростился съ старикомъ. Разнообразныя мысли ходили въ моей головѣ. Добрый и честнѣйшій человѣкъ Тимофей Семенычъ, а выходя отъ него, я однако порадовался, что ему былъ уже пятидесятилѣтній юбилей и что Тимофеи Семенычи у насъ теперь рѣдкость. Разумѣется я тотчасъ полетѣлъ въ Пассажъ обо всемъ сообщить бѣдняжкѣ Ивану Матвѣичу. Да и любопытство разбирало меня: какъ онъ тамъ устроился въ крокодилѣ и какъ это можно жить въ крокодилѣ? Да и можно ли дѣйствительно жить въ крокодилѣ? Порой мнѣ право казалось, что все это какой-то чудовищный сонъ, тѣмъ болѣе, что и дѣло-то шло о чудовищѣ...

III.

И однако жъ это былъ не сонъ, а настоящая, несомнѣнная дѣйствительность. Иначе, — сталь ли бы я и рассказывать! Но продолжаю...

Въ Пассажъ я попалъ уже поздно, около девяти часовъ, и въ крокодилъную принужденъ былъ войти съ задняго хода, потому что нѣмецъ заперъ магазинъ на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго. Онъ расхаживалъ по-домашнему въ какомъ-то засаленномъ старомъ сюртучишкѣ, но самъ еще втрое довольнѣе, чѣмъ давеча утромъ. Видно было, что онъ уже ничего не боится и что «публикумъ много хо-

диль». Муттеръ вышла уже потомъ, очевидно за тѣмъ, чтобы слѣдить за мной. Нѣмецъ съ муттеръ часто перешептывались. Не смотря на то, что магазинъ былъ уже запертъ, онъ все-таки взялъ съ меня четвертакъ. И что за ненужная аккуратность!

— Ви каждый разъ будете платить; публикумъ будутъ рубль платить, а ви одинъ четвертакъ, ибо ви добры друкъ вашего добры друкъ, а я считаю друкъ...

— Живъ ли, живъ ли образованный другъ мой! громко вскричалъ я, подходя къ крокодилу и надеясь, что слова мои еще издали достигнутъ Ивана Матвѣича и польстятъ его самолюбію.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ онъ, какъ будто издали или какъ бы изъ-подъ кровати, хотя я стоялъ подлѣ него:—живъ и здоровъ, но объ этомъ послѣ... Какъ дѣла?

Какъ бы нарочно не разслышавъ вопроса, я было началъ съ участіемъ и поспѣшностію самъ его разспрашивать: какъ онъ, что онъ и каково въ крокодилѣ и что такое вообще внутри крокодила? Это требовалось и дружествомъ и обыкновенною вѣжливостію. Но онъ капризно и съ досадою перебилъ меня.

— Какъ дѣла? прокричалъ онъ, по обыкновенію мною командуя, своимъ визгливымъ голосомъ, чрезвычайно на этотъ разъ отвратительнымъ.

Я рассказалъ всю мою бесѣду съ Тимофеемъ Семенычемъ до послѣдней подробности. Рассказывая я старался выказать нѣсколько обиженный топъ.

— Старикъ правъ, рѣшилъ Иванъ Матвѣичъ такъ же рѣзко, какъ и по всегдашнему обыкновенію своему въ разговорахъ со мной. — Практическихъ людей люблю и не терплю сладкихъ мямлей. Готовъ однако сознаться, что и твоя идея

на счетъ командировки не совершенно нелѣпа. Дѣйствительно многое могу сообщить и въ научномъ и въ нравственномъ отношеніи. Но теперь это все принимаетъ новый и неожиданный видъ и не стоитъ хлопотать изъ одного только жалованья. Слушай внимательно. Ты сидишь?

— Нѣтъ, стою.

— Садись на чтонибудь, ну хоть на полъ, и слушай внимательно.

Со злобою взялъ я стулъ и въ сердцахъ, устанавливая, стукнулъ имъ объ полъ.

— Слушай, началъ онъ повелительно, — публички сегодня приходило цѣлая бездна. Къ вечеру не хватило мѣста и для порядка явилась полиція. Въ восемь часовъ, т. е. ранѣе обыкновеннаго, хозяинъ нашель даже нужнымъ запереть магазинъ и прекратить представленіе, чтобъ сосчитать привлеченныя деньги и удобнѣе приготовиться къ завтраму. Знаю, что завтра соберется цѣлая ярмарка. Такимъ образомъ надо полагать, что всѣ образованнѣйшіе люди столицы, дамы высшаго общества, иноземные посланники, юристы, и проч. здѣсь перербываютъ. Мало того: станутъ наѣзжать изъ многостороннихъ провинцій нашей обширной и любопытной имперіи. Въ результатъ — я у всѣхъ на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Стану поучать праздную толпу. Наученный опытомъ, представляю изъ себя примѣръ величія и смиренія передъ судьбою! Буду такъ сказать каедрой, съ которой начну поучать человѣчество. Даже одни естественно-научныя свѣдѣнія, которыя могу сообщить объ обитаемомъ мною чудовищѣ, — драгоценны. И потому не только не ропщу на давешній случай, но твердо надѣюсь на блистательнѣйшую изъ карьеръ.

— Не наскучило бы? замѣтилъ я ядовито.

Всего болѣе обозлило меня то, что онъ почти уже совсѣмъ пересталъ употреблять личныя мѣстоимѣнія, — до того заважничалъ. Тѣмъ не менѣе все это меня сбило съ толку. Съ чего, съ чего эта легкомысленная башка куражится! скрежеталь я шепотомъ про себя. Тутъ надо плакать, а не куражиться.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ рѣзко на мое замѣчаніе:—ибо весь проникнуть великими идеями, только теперь могу на досугѣ мечтать объ улучшеніи судьбы всего человѣчества. Изъ крокодила выйдетъ теперь правда и свѣтъ. Несомнѣнно изобрѣту новую собственную теорію новыхъ экономическихъ отношеній и буду гордиться ею—чего доселѣ не могъ за недосугомъ по службѣ и въ пошлыхъ развлеченіяхъ свѣта. Опровергну все и буду новый Фурье. Кстати,—отдалъ семь рублей Тимофею Семенычу?

— Изъ своихъ, отвѣтилъ я, стараясь выразить голосомъ, что заплатилъ изъ своихъ.

— Сочтемся, отвѣтилъ онъ высокомерно.—Прибавки оклада жду всенепремѣнно, ибо кому же и прибавлять какъ не мнѣ? Польза отъ меня теперь безконечная. Но къ дѣлу. Жена?

— Ты вѣроятно спрашиваешь о Еленѣ Ивановнѣ?

— Жена?! закричалъ онъ даже съ какимъ-то на этотъ разъ визгомъ.

Нечего было дѣлать! Смиренно, но опять-таки скрежеща зубами, рассказалъ я какъ оставилъ Елену Ивановну. Онъ даже и не дослушалъ.

— Имѣю на нее особыя виды, началъ онъ нетерпѣливо.—Если буду знаменитъ *здѣсь*, то хочу, чтобъ она была знаменита *тамъ*. Ученые, поэты, философы, заѣзжіе минералоги, государственные мужи, послѣ утренней бесѣды со мной, будутъ по-

сѣщать по вечерамъ ея салонъ. Съ будущей недѣли у нея должны начаться каждый вечеръ салоны. Удвоенный окладъ будетъ давать средства къ приему, а такъ какъ приемъ долженъ ограничиваться однимъ чаемъ и нанятыми лакеями, то и дѣлу конецъ. И здѣсь и тамъ будутъ говорить обо мнѣ. Давно жаждалъ случая, чтобъ всѣ говорили обо мнѣ, но не могъ достигнуть, скованный малымъ значеніемъ и недостаточнымъ чиномъ. Теперь же все это достигнуто какимъ нибудь самымъ обыкновеннымъ глоткомъ крокодила. Каждое слово мое будетъ выслушиваться, каждое изреченіе обдумываться, передаваться, печататься. И я дамъ себя знать! Поймутъ наконецъ какимъ способностямъ дали исчезнуть въ нѣдрахъ чудовища. «Этотъ человѣкъ могъ быть иностраннымъ министромъ и управлять королевствомъ», скажутъ одни. «И этотъ человѣкъ не управлялъ иностраннымъ королевствомъ», скажутъ другіе. Ну чѣмъ, ну чѣмъ я хуже какого нибудь Гарнье-Пажесишки или какъ ихъ тамъ?.. Жена должна составлять мнѣ панданъ— у меня умъ, у нея красота и любезность. «Она прекрасна, потому и жена его», скажутъ одни. «Она прекрасна, потому что жена его», поправятъ другіе. На всякій случай пусть Елена Ивановна завтра же купить энциклопедическій словарь издававшійся подъ редакціей Андрея Краевского, чтобъ умѣть говорить обо всѣхъ предметахъ. Чаше же всего пусть читаетъ premier-политикъ «С. Петербургскихъ Извѣстій», свѣряя каждодневно съ «Волосомъ». Полагаю, что хозяинъ согласится иногда приносить и меня, вмѣстѣ съ крокодиломъ въ блестящій салонъ жены моей. Я буду стоять въ ящикѣ среди великолѣпной гостиной и буду сыпать островами, которыя подберу еще съ-утра. Государственному мужу сообщу мои проэкты; съ

поэтомъ буду говорить въ риѣму; съ дамами буду забавенъ и нравственно-милъ,—такъ какъ вполне безопасенъ для ихъ супруговъ. Всѣмъ остальнымъ буду служить примѣромъ покорности судьбѣ и волѣ провидѣнія. Жену сдѣлаю блестящею литературною дамою; я ее выдвину впередъ и объясню ее публикѣ; какъ жена моя она должна быть полна величайшихъ достоинствъ, и если справедливо называютъ Андрея Александровича нашимъ русскимъ Альфредомъ де-Мюссе, то еще справедливѣе будетъ, когда назовутъ ее нашей русской Евгеніей Туръ.

Признаюсь, хотя вся эта дичь и походила нѣсколько на всегдашняго Ивана Матвѣича, но мнѣ все-таки пришло въ голову, что онъ теперь въ горячкѣ и бредитъ. Это былъ все тотъ же обыкновенный и ежедневный Иванъ Матвѣичъ но наблюдаемый въ стекло въ двадцать разъ увеличивающее.

— Другъ мой, спросилъ я его,—надѣнешься ли ты на долговѣчность? И, вообще, скажи: здоровъ ли ты? Какъ ты ѣшь, какъ ты спишь, какъ ты дышишь? Я другъ тебѣ и согласись, что случай слишкомъ сверхъестественный, а слѣдственно любопытство мое слишкомъ естественно.

— Праздное любопытство и больше ничего, отвѣчалъ онъ сентенціозно,—но ты будешь удовлетворенъ. Спрашиваешь какъ устроился я въ нѣдрахъ чудовища? Во-первыхъ, крокодилъ, къ удивленію моему, оказался совершенно пустой. Внутренность его состоитъ какъ бы изъ огромнаго пустаго мѣшка, сдѣланнаго изъ резинки, въ родѣ тѣхъ резиновыхъ издѣлій, которыя распространены у насъ въ Гороховой, въ Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенскомъ проспектѣ. Иначе, сообрази, могли бы я въ немъ помѣститься?

— Возможно ли? вскричалъ я въ понятномъ изумленіи. — Неужели крокодилъ совершенно пустой?

— Совершенно, строго и внушительно подтвердилъ Иванъ Матвѣичъ. — И по всей вѣроятности онъ устроенъ такъ по законамъ самой природы. Крокодилъ обладаетъ только пастью, снабженною острыми зубами, и въ добавокъ къ пасти—значительно длиннымъ хвостомъ—вотъ и все, по настоящему. Въ серединѣ же между сими двумя его оконечностями находится пустое пространство, обнесенное чѣмъ то въ родѣ каучука, вѣроятно же всего дѣйствительно каучукомъ.

— А ребра, а желудокъ, а кишки, а печень, а сердце? прервалъ я даже со злобою.

— Н-ничего, совершенно ничего этого нѣтъ и вѣроятно никогда не бывало. Все это—праздная фантазія легкомысленныхъ путешественниковъ. Подобно тому какъ надувають гемороидальную подушку, такъ и я надуваю теперь собой крокодила. Онъ растяжимъ до невѣроятности. Даже ты, въ качествѣ домашняго друга, могъ бы помѣститься со мной рядомъ, еслибъ обладалъ великодушіемъ, — и даже съ тобой еще достало бы мѣста. Я даже думаю, въ крайнемъ случаѣ, выписать сюда Елену Ивановну. Впрочемъ подобное пустопорожнее устройство крокодила совершенно согласно съ естественными науками. Ибо положимъ, на примѣръ, тебѣ даю устроить новаго крокодила, — тебѣ естественно представляется вопросъ: какое основное свойство крокодилово? Отвѣтъ ясенъ: глотать людей. — Какъ же достигнуть устройствомъ крокодила, чтобъ онъ глоталъ людей? Отвѣтъ еще яснѣе: устроивъ его пустынь. Давно уже рѣшено физикой, что природа не терпитъ пустоты. Подобно сему и внутренность крокодилова должна именно

быть пустою, чтобъ не терпѣть пустоты, а слѣдственно глотать и наполняться всѣмъ, что только есть подъ рукою. И вотъ единственная разумная причина почему всѣ крокодилы глотають нашего брата. Не такъ въ устройствѣ человѣческомъ. чѣмъ пустѣе на примѣръ голова человѣческая, тѣмъ менѣе она ощущаетъ жажды наполниться и это единственное исключеніе изъ общаго правила. Все это мнѣ теперь ясно какъ день, все это я постигъ собственнымъ умомъ и опытомъ, находясь такъ сказать въ нѣдрахъ природы, въ ея ретортѣ, прислушиваясь къ біенію пульса ея. Даже этимологія согласна со мною, ибо самое названіе крокодилъ означаетъ прожорливость. Крокодилъ, Crocodillo, — есть слово очевидно итальянское, современное можетъ быть древнимъ фараонамъ египетскимъ и очевидно происходящее отъ французскаго корня: croquer, что означаетъ съѣсть, скушать и вообще употребить въ пищу. Все это я намѣренъ прочесть въ видѣ первой лекціи публикѣ, собравшейся въ салонѣ Елены Ивановны, когда меня принесутъ туда въ ящикѣ.

— Другъ мой, не принять ли тебѣ теперь хоть слабительнаго! вскричалъ я невольно. У него жаръ, жаръ, онъ въ жару! повторялъ я про себя въ ужасѣ.

— Вздоръ! отвѣчалъ онъ презрительно, — и къ тому же въ теперешнемъ положеніи моемъ это совсѣмъ неудобно. Впрочемъ я отчасти зналъ, что ты заговоришь о слабительномъ.

— Но, другъ мой, а какъ... какъ же ты теперь употребляешь пищу? Обѣдалъ ты сегодня или нѣтъ?

— Нѣтъ, но сытъ и, вѣроятно же всего, теперь уже никогда не буду употреблять пищи. И это тоже совершенно понятно: наполняя собою всю

внутренность крокодилу, я дѣлаю его навсегда сытымъ. Теперь его можно не кормить нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны,—сытый мною, онъ естественно сообщить и мнѣ всѣ жизненные соки изъ своего тѣла; это въ родѣ того, какъ нѣкоторыя утонченныя кокетки обкладываютъ себя и всѣ свои формы на ночь сырыми котлетами и потомъ, принявъ утреннюю ванну, становятся свѣжими, упругими, сочными и обольстительными. Такимъ образомъ, питая собою крокодила, я, обратно, получаю и отъ него питаніе; слѣдовательно — мы взаимно кормимъ другъ друга. Но такъ какъ трудно, даже и крокодилу, переваривать такого человѣка какъ я, то ужь разумѣется онъ долженъ при этомъ ощущать нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ, — котораго впрочемъ у него нѣтъ,—и вотъ почему, чтобъ не доставить излишней боли чудовищу, я рѣдко вращаюсь съ боку на бокъ; и хотя бы и могъ вращаться, но не дѣлаю сего изъ гуманности. Это единственный недостатокъ теперешняго моего положенія, и въ аллегорическомъ смыслѣ Тимофей Семенычъ справедливъ, называя меня лежебокой. Но я докажу, что и лежа на боку,—мало того, что только лежа на боку и можно перевернуть судьбу человѣчества. Всѣ великія идеи и направленія нашихъ газетъ и журналовъ очевидно произведены лежебоками; вотъ почему и называютъ ихъ идеями кабинетными, но наплевать, что такъ называютъ! Я изобрѣту теперь цѣлую социальную систему и—ты не повѣришь — какъ это легко! Стоитъ только уединиться куда нибудь подальше въ уголь или хотъ попасть въ крокодила, закрыть глаза и тотчасъ же изобрѣтешь цѣлый рай для всего человѣчества. Давеча, какъ вы ушли, я тотчасъ же принялся изобрѣтать и изобрѣлъ уже три системы, теперь изготовляю четвертую. Правда, сначала

надо все опровергнуть; но изъ крокодила такъ легко опровергать; мало того, изъ крокодила какъ будто все это виднѣе становится... Впрочемъ въ моемъ положеніи существуютъ и еще недостатки, хотя и мелкіе: внутри крокодила нѣсколько сыро и какъ будто покрыто слизью, да сверхъ того еще нѣсколько пахнетъ резинкой, точь-въ-точь какъ отъ моихъ прошлогоднихъ калошъ. Вотъ и все, болѣе пѣтъ никакихъ недостатковъ.

— Иванъ Матвѣичъ, прервалъ я, — все это чудеса, которымъ я едва могу вѣрить. И неужели, неужели ты всю жизнь не намѣренъ обѣдать?

— О какомъ вздорѣ заботишься ты, беспечная, праздная голова! Я тебѣ о великихъ идеяхъ рассказываю, а ты... Знай же, что я сытъ уже однѣми великими идеями, озарившими ночь, меня окружившую. Впрочемъ добродушный хозяинъ чудовища, сговорившись съ добрѣйшею муттеръ, рѣшили давеча промежь себя, что будутъ каждое утро просовывать въ пасть крокодила изогнутую металлическую трубочку, въ родѣ дудочки, черезъ которую я бы могъ втягивать въ себя кофе или бульонъ съ размоченнымъ въ немъ бѣлымъ хлѣбомъ. Дудочка уже заказана по сосѣдству, но полагаю, что это излишняя роскошь. Прожить же надѣюсь по крайней мѣрѣ тысячу лѣтъ, если справедливо, что по стольку лѣтъ живутъ крокодилы; о чемъ, благо напомнилъ, справься завтра же въ какойнибудь естественной исторіи и сообщи мнѣ, ибо я могъ ошибиться, — смѣшавъ крокодила съ какимънибудь другимъ ископаемымъ. Одно только соображеніе нѣсколько смущаетъ меня: такъ какъ я одѣтъ въ сукно, а на ногахъ у меня сапоги, то крокодилъ очевидно меня не можетъ переварить. Сверхъ того—я живой и потому сопротивляюсь переваренію меня всею моею волею, ибо понятно, что не

хочу обратиться въ то, во что обращается всякая пища, такъ какъ это было бы слишкомъ для меня унижительно. Но боюсь одного: въ тысячелѣтній срокъ сукно сюртука моего, къ несчастью русскаго издѣлія, можетъ истлѣть и тогда я, оставшись безъ одежды, не смотря на все мое негодованіе, начну пожалуй и перевариваться, и хоть днемъ я этого ни за что не допущу и не позволю, но по ночамъ, во снѣ, когда воля отлетаетъ отъ человѣка, меня можетъ постичь самая унижительная участь какого нибудь картофеля, блиновъ или телятины. Такая идея приводитъ меня въ бѣшенство. Уже по одной этой причинѣ надо бы измѣнить тарифъ и поощрять привозъ суконъ англійскихъ, которыя крѣпче, а слѣдственно и дольше будутъ сопротивляться природѣ, въ случаѣ, если попадешь въ крокодила. При первомъ случаѣ сообщу мысль мою кому либо изъ людей государственныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ обозрѣвателямъ нашихъ ежедневныхъ петербургскихъ газетъ. Пусть прокричатъ. Надѣюсь, что не одно это они теперь отъ меня позаимствуютъ. Предвижу, что каждое утро цѣлая толпа ихъ, вооруженная редакціонными четвертаками, будетъ тѣсниться кругомъ меня, чтобъ уловить мои мысли на счетъ вчерашнихъ телеграммъ. Короче—будущность представляется мнѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ.

Горячка, горячка! шепталъ я про себя.

— Другъ мой, а свобода? проговорилъ я, желая вполнѣ узнать его мнѣніе. — Вѣдь ты, такъ сказать, въ темницѣ, тогда какъ человѣкъ долженъ наслаждаться свободою.

— Ты глупъ, отвѣчалъ онъ. — Люди дикіе любятъ независимость, люди мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка...

— Иванъ Матвѣичъ, пощади и помилуй!

— Молчи и слушай! взвизгнулъ онъ въ досадѣ, что я перебилъ его.—Никогда не воспарялъ я духомъ такъ, какъ теперь. Въ моемъ тѣсномъ убожищѣ одного боюсь — литературной критики толстыхъ журналовъ и свиста сатирическихъ газетъ нашихъ. Боюсь, чтобъ легкомысленные посѣтители, глупцы и завистники и вообще нигилисты не подняли меня на смѣхъ. Но я приму мѣры. Съ нетерпѣніемъ жду завтрашнихъ отзывовъ публики, а главное—мнѣнія газетъ. О газетахъ сообщи завтра же.

— Хорошо, завтра же принесу сюда цѣлый ворохъ газетъ.

— Завтра еще рано ждать газетныхъ отзывовъ; ибо объявленія печатаются только на четвертый день. Но отнынѣ каждый вечеръ приходи черезъ внутренній ходъ со двора. Я намѣренъ употребить тебя какъ моего секретаря. Ты будешь мнѣ читать газеты и журналы, а я буду диктовать тебѣ мои мысли и давать порученія. Въ особенности не забывай телеграммъ. Каждый день, чтобъ были здѣсь всѣ европейскія телеграммы. Но довольно; вѣроятно ты теперь хочешь спать. Ступай домой и не думай о томъ, что я сейчасъ говорилъ о критикѣ: я не боюсь ея, ибо сама она находится въ критическомъ положеніи. Стоитъ только быть мудрымъ и добродѣтельнымъ и непременно станешь на пьедесталь. Если не Сократъ, то Діогенъ, или то и другое вмѣстѣ, и вотъ будущая роль моя въ человѣчествѣ.

Такъ легкомысленно и навязчиво (правда, — въ горячкѣ) торопился высказаться передо мною Иванъ Матвѣичъ, подобно тѣмъ слабохарактернымъ бабамъ, про которыхъ говоритъ пословица, что онѣ не могутъ удержать секрета. Да и все то, что со-

общилъ онъ мнѣ о крокодилѣ, показалось мнѣ весьма подозрительнымъ. Ну какъ можно, чтобъ крокодилъ былъ совершенно пустой? Бьюсь объ закладъ, что въ этомъ онъ прихвастнулъ изъ тщеславія и отчасти, чтобъ меня унижить. Правда, онъ былъ больной, а больному надо уважить; но признаюсь откровенно, я всегда терпѣть не могъ Ивана Матвѣича. Всю жизнь, начиная съ самаго дѣтства, я желалъ и не могъ избавиться отъ его опеки. Тысячу разъ хотѣлъ было я съ нимъ совсѣмъ расплеваться, и каждый разъ меня опять тянуло къ нему, какъ будто я все еще надѣялся ему что-то доказать и за что-то отомстить. Странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы. На этотъ разъ мы простились однако же съ чувствомъ.

— Вашъ другъ очень умна шеловѣкъ, сказалъ мнѣ въ полголоса нѣмецъ, собираясь меня провожать; онъ все время прилежно слушалъ нашъ разговоръ.

— А прогос, сказалъ я, — чтобъ не забыть, — сколько бы взяли вы за вашего крокодила, на случай, если бъ вздумали у васъ его покупать?

Иванъ Матвѣичъ, слышавшій вопросъ, съ любопытствомъ выжидалъ отвѣта. Видимо было, что ему не хотѣлось, чтобъ нѣмецъ взялъ мало; по крайней мѣрѣ онъ какъ-то особенно крякнулъ при моемъ вопросѣ.

Сначала нѣмецъ и слушать не хотѣлъ, даже разсердился.

— Никто не смѣйтъ покупать мой собственный крокодилъ! вскричалъ онъ яростно и покраснѣлъ какъ вареный ракъ.—Я не хатитъ продавайтъ крокодилъ. Я милліонъ талеръ не стану браль за крокодилъ. Я сто тридцать талеръ сегодня съ публи-

кумъ брала, а завтра десять тысячъ талеръ собирала, а потомъ сто тысячъ талеръ каждый день собирала. Не хочу продавала.

Иванъ Матвѣичъ даже захихикалъ отъ удовольствія.

Скрѣпя сердце, хладнокровно и разсудительно, — ибо исполнялъ обязанность истиннаго друга, — намекнулъ я сумасбродному нѣмцу, что расчеты его не совсѣмъ вѣрны, что если онъ каждый день будетъ собирать по сту тысячъ, то въ четыре дня у него перебиваетъ весь Петербургъ и потомъ уже не съ кого будетъ собирать, что въ животъ и смерти воленъ Богъ, что крокодилъ можетъ какънибудь лоннуть, а Иванъ Матвѣичъ заболѣть и помереть, и проч. и проч.

Нѣмецъ задумался.

— Я будетъ ему капли изъ аптеки давала, сказалъ онъ надумавшись, — и вашъ друкъ не будетъ умирать.

— Капли каплями, сказалъ я, — но возьмите и то, что можетъ затѣяться судебный процессъ. Супруга Ивана Матвѣича можетъ потребовать своего законнаго супруга. Вы вотъ намѣрены богатыть, а намѣрены ли вы назначить хоть какуюнибудь пенсію Еленѣ Ивановнѣ?

— Нѣтъ, не мѣревали! рѣшительно и строго отвѣчалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, не мѣревали! подхватила, даже со злобою, муттеръ.

— Итакъ, не лучше ли вамъ взять чтонибудь теперь, разомъ, хоть и умѣреннее, но вѣрное и солидное, чѣмъ предаваться неизвѣстности? Долгомъ считаю присовокупить, что спрашиваю васъ не изъ одного только празднаго любопытства.

Нѣмецъ взялъ муттеръ и удалился съ нею для совѣщаній въ уголъ, гдѣ стоялъ шкафъ съ самой

большой и безобразнѣйшей изъ всей коллекціи обезьяной.

— Вотъ увидишь! сказалъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ.

Что до меня касается, я въ эту минуту сгараль желаніемъ, во-первыхъ—избить больно нѣмца, во-вторыхъ—еще болѣе избить муттеръ, а въ-третьихъ всѣхъ больше и больнѣе избить Ивана Матвѣича за безграничность его самолюбія. Но все это ничего не значило въ сравненіи съ отвѣтомъ жаднаго нѣмца.

Насовѣтовавшись съ своей муттеръ, онъ потребоваль за своего крокодила пятьдесятъ тысячъ рублей билетами послѣдняго внутренняго займа съ лотереєю, каменный домъ въ Гороховой и при немъ собственную аптеку и, въ добавокъ, — чинъ русскаго полковника.

— Вдишь! торжествуя прокричалъ Иванъ Матвѣичъ,—я говорилъ тебѣ! Кромѣ послѣдняго безумнаго желанія производства въ полковники, — онъ совершенно правъ, ибо вполне понимаетъ теперешнюю цѣнность показываемаго имъ чудовища. Экономическій принципъ прежде всего!

— Помилуйте! яростно закричалъ я нѣмцу, — да за что же вамъ полковника-то? Какой вы подвигъ совершили, какую службу заслужили, какой военной славы добились? Ну не безумецъ-ли вы послѣ этого?

— Безумны! вскричалъ нѣмецъ обидѣвшись, — нѣтъ, очень умна шеловѣкъ, а ви очень глупъ! я заслужилъ польковникъ, потому што показалъ крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидиль, а русскій не можетъ показаль крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидиль! Я чрезвычайно умны шеловѣкъ и очень хочу былъ польковникъ!

— Такъ прощай же, Иванъ Матвѣичъ! вскри-

чалъ я, дрожа отъ бѣшенства, и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ крокодильной. Я чувствовалъ, что еще минута и я уже не могъ бы отвѣчать за себя. Нестественныя надежды этихъ двухъ болвановъ были невыносимы. Холодный воздухъ, освѣживъ меня, нѣсколько умѣрилъ мое негодованіе. Наконецъ, энергически плюнувъ разъ до пятнадцати въ обѣ стороны, я взялъ извозчика, приѣхалъ домой, раздѣлся и бросился въ постель. Всего досаднѣе было то, что я попалъ къ нему въ секретари. Теперь умирай тамъ отъ скуки каждый вечеръ, исполняя обязанность истиннаго друга! Я готовъ былъ прибить себя за это, и дѣйствительно, уже потушивъ свѣчку и закрывшись одѣяломъ, ударилъ себя нѣсколько разъ кулакомъ по головѣ и по другимъ частямъ тѣла. Это нѣсколько облегчило меня и я наконецъ заснулъ, даже довольно крѣпко, потому что очень усталъ. Всю ночь снились мнѣ только однѣ обязыяны, но подъ самое утро приснилась Елена Ивановна...

IV.

Обезьяны, какъ догадываюсь, приснились потому, что заключались въ шкафу у крокодилъщика; но Елена Ивановна составляла статью особенную.

Скажу заранѣе: я любилъ эту даму; но спѣшу—и спѣшу на курьерскихъ—оговориться: я любилъ ее какъ отецъ, ни болѣе, ни менѣе. Заключаю такъ потому, что много разъ случалось со мною неудержимое желаніе поцаловать ее въ головку или въ румявенькую щечку. И хотя я никогда не приводилъ сего въ исполненіе, но каюсь—не отказался-бы поцѣловать ее даже и въ губки. И не то что въ губки, а въ зубки, которые такъ прелестно всегда выста-

влялись, точно рядъ хорошенькихъ, подобранныхъ жемчужинокъ, когда она смѣялась. Она-же удивительно часто смѣялась. Иванъ Матвѣичъ называлъ ее, въ ласкательныхъ случаяхъ, своей «милой нелѣпостью» — названіе въ высшей степени справедливое и характеристичное. Это была дама-конфетка и болѣе ничего. Посему совершенно не понимаю, зачѣмъ вздумалось теперь тому-же самому Ивану Матвѣичу воображать въ своей супругѣ нашу русскую Евгенію Туръ? Во всякомъ случаѣ мой сонъ, если не брать въ расчетъ обезьянъ, произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе, и перебирая въ головѣ, за утренней чашкой чаю, всѣ происшествія вчерашняго дня, я рѣшилъ немедленно зайти къ Еленѣ Ивановнѣ, по дорогѣ на службу, что впрочемъ обязанъ былъ сдѣлать и въ качествѣ домашняго друга.

Въ крошечной комнаткѣ передъ спальней, въ такъ-называемой у нихъ маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у нихъ тоже маленькая, на маленькомъ нарядномъ диванчикѣ, за маленькимъ чайнымъ столикомъ, въ какой-то полувоздушной утренней распашоночкѣ, сидѣла Елена Ивановна и изъ маленькой чашечки, въ которую мокала крошечный сухарикъ, кушала кофе. Была она обольстительна хороша, но показалось мнѣ тоже и какъ-будто задумчивою.

— Ахъ это вы, шалунъ! встрѣтила она меня съ разсѣянной улыбкой: — садитесь, вѣтренникъ, пейте кофе. Ну что вы вчера дѣлали? Были въ маскарадѣ?

— А развѣ вы были? Я вѣдь не ѣзжу... къ тому-же посѣщалъ вчера нашего узника...

Я вздохнулъ и, принимая кофе, сдѣлалъ благочестивую мину.

— Кого? Какого это узника? Ахъ да! Бѣдняжка.

Ну что онъ—скучаетъ? А знаете...я хотѣла васъ спросить...Я вѣдь могу теперь просить развода?

— Развода! вскричалъ я въ негодованіи и чуть не пролил кофе. «Это черномазенькій!» подумалъ я про-себя, съ яростію.

Существовалъ нѣкто черномазенькій, съ усиками, служившій по строительной части, который слишкомъ ужъ часто похаживалъ къ нимъ и чрезвычайно умѣлъ смѣшить Елену Ивановну. Признаюсь я его ненавидѣлъ, и сомнѣнія не было, что онъ успѣлъ вчера видѣться съ Еленой Ивановной или въ маскарадѣ, или пожалуй и здѣсь, и наговорилъ ей всякаго вздору!

— Да что-жь, заторопилась вдругъ Елена Ивановна, точно подученная:—что-жь онъ тамъ будетъ сидѣть въ крокодилѣ и пожалуй всю жизнь не придетъ, а я здѣсь его дожидаюсь! Мужъ долженъ дома жить, а не въ крокодилѣ...

— Но вѣдь это непредвидѣнный случай, началъ было я въ весьма понятномъ волненіи.

— Ахъ нѣтъ, не говорите, не хочу, не хочу! закричала она, вдругъ совсѣмъ разсердившись.—Вы вѣчно мнѣ напротивъ, такой негодный! Съ вами ничего не сдѣлаешь, ничего не посоветуете! Мнѣ ужъ чужіе говорятъ, что мнѣ разводъ дадутъ, потому что Иванъ Матвѣичъ теперь уже не будетъ получать жалованья.

— Елена Ивановна! Васъ-ли я слышу? закричалъ я патетически.—Какой злодѣй могъ вамъ это натолковать! Да и разводъ по такой неосновательной причинѣ, какъ жалованье, совершенно невозможенъ. А бѣдный, бѣдный Иванъ Матвѣичъ къ вамъ такъ-сказать весь пылаетъ любовью, даже и въ нѣдрахъ чудовища. Мало того—таетъ отъ любви какъ кусочекъ сахару. Еще вчера ввечеру, когда вывеселились въ маскарадѣ, онъ упоминалъ,

что въ крайнемъ случаѣ можетъ быть рѣшится выписать васъ, въ качествѣ законной супруги, къ себѣ, въ нѣдра, тѣмъ болѣе, что крокодилъ оказывается весьма помѣстительнымъ не только для двухъ, но даже и для трехъ особъ...

И тутъ я немедленно рассказалъ ей всю эту интересную часть моего вчерашняго разговора съ Иваномъ Матвѣичемъ.

— Какъ, какъ! вскричала она въ удивленіи.— Вы хотите, чтобъ и я также полѣзла туда, къ Ивану Матвѣичу? Вотъ выдумки? Да и какъ я полѣзу, такъ въ шляпкѣ и въ криволинѣ? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду дѣлать, когда буду туда лѣзть, а на меня еще кто-нибудь пожалуй будетъ смотрѣть... Это смѣшно! И что я тамъ буду кушать?...и...и какъ я тамъ буду когда... ахъ Боже мой, что они выдумали!.. И какія тамъ развлеченія?.. Вы говорите, что тамъ гумиластикомъ пахнетъ? И какъ-же я буду, если мы тамъ съ нимъ поссоримся—все-таки рядомъ лежать? Фу, какъ это противно!

— Согласенъ, согласенъ со всѣми этими доводами, милѣйшая Елена Ивановна, прервалъ я, стремясь высказаться съ тѣмъ понятнымъ увлеченіемъ, которое всегда овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ чувствуетъ, что правда на его сторонѣ;—но вы не оцѣнили одного во всемъ этомъ; вы не оцѣнили того, что онъ стало-быть безъ васъ жить не можетъ, коли зоветъ туда; значить тутъ любовь, любовь страстная, вѣрная, стремящаяся... Вы любви не оцѣнили, милая Елена Ивановна, любви!

— Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! отмахивалась она своей маленькой, хорошенькой ручкой, на которой блистали только что вымытые и вычищенные щеточкой розовые ногти.—Противный! Вы доведете меня до слезъ. Полѣзайте

сами, если это вамъ пріятно. Вѣдь вы другъ, ну и ложитесь тамъ съ нимъ рядомъ изъ дружбы, и спорьте всю жизнь о какихъ-нибудь скучныхъ наукахъ...

— Напрасно вы такъ смѣтаетесь надъ симъ предположеніемъ, съ важностію остановилъ я легкомысленную женщину:—Иванъ Матвѣичъ и безъ того меня звалъ туда. Конечно васъ привлекаетъ туда долгъ, меня-же только одно великодушіе; но рассказывая мнѣ вчера о необыкновенной растяжимости крокодиловой, Иванъ Матвѣичъ сдѣлалъ весьма ясный намекъ, что не только вамъ обоимъ, но даже и мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, можно-бы помѣститься съ вами вмѣстѣ, втроемъ, особенно еслибъ я захотѣлъ того, а потому...

— Какъ такъ, втроемъ? вскричала Елена Ивановна, съ удивленіемъ смотря на меня.—Такъ какъ же мы... такъ всѣ трое и будемъ тамъ вмѣстѣ? Ха-ха-ха! Какіе вы оба глупые! Ха-ха-ха! Я васъ непременно буду тамъ все время щипать, негодный вы эдакой, ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

И она, откинувшись на спинку дивана, расхохоталась до слезинокъ. Все это, и слезы и смѣхъ, было до того обольстительно, что я не вытерпѣлъ и съ увлеченіемъ бросился цаловать у ней ручки, чему она не противилась, хотя и выдрала меня легонько, въ знакъ примиренія, за уши.

За тѣмъ мы оба развеселились и я подробно рассказалъ ей всѣ вчерашніе планы Ивана Матвѣича. Мысль о пріемныхъ вечерахъ и объ открытомъ салонѣ ей очень понравилась.

— Но только надо будетъ очень много новыхъ платьевъ, замѣтила она,—и потому надо, чтобъ Иванъ Матвѣичъ присылалъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше жалованья... Только... только какъ-же это, прибавила она въ раздумьи,—какъ-

же это его будутъ приносить ко мнѣ въ ящикѣ? Это очень смѣшно. Я не хочу, чтобъ моего мужа носили въ ящикѣ. Мнѣ будетъ очень стыдно предъ гостями... Я не хочу, нѣтъ не хочу...

— Кстати, чтобъ не забыть, былъ у васъ вчера вечеромъ Тимофей Семенычъ?

— Ахъ, былъ; пріѣхалъ утѣшать и вообразите мы съ нимъ все въ свои козыри играли. Онъ на конфекты, а коль я проиграю—онъ мнѣ ручки цалуетъ. Такой негодный, и вообразите чуть было въ маскарадъ со мной не поѣхалъ. Право!

— Увлеченіе! замѣтилъ я,—да и кто не увлечется вами, обольстительная!

— Ну ужъ вы, поѣхали съ вашими комплимен-тами! Пойдите я васъ ущипну на дорогу. Я ужа-сно хорошо выучилась теперь щипаться. Ну что, каково! Да, кстати, вы говорите Иванъ Матвѣичъ часто обо мнѣ вчера говорилъ?

— Н-н-нѣтъ, не то чтобы очень... Признаюсь вамъ, онъ болѣе думаетъ теперь о судьбахъ всего человѣчества и хочетъ...

— Ну и пусть его! Не договаривайте! Вѣрно скука ужасная. Я какъ-нибудь его навѣщу. Завтра непременно поѣду. Только не сегодня; голова болитъ а къ тому-же тамъ будетъ такъ много публики... Скажутъ: это жена его, пристыдятъ... Прощайте. Вечеромъ вы вѣдь... тамъ?

— У него, у него. Велѣлъ пріѣзжать и газетъ привезти.

— Ну вотъ и славно. И ступайте къ нему и читайте. А ко мнѣ сегодня не заѣзжайте. Я нездорова, а можетъ и въ гости поѣду. Ну прощайте, шалунъ.

«Это черномазенькій у ней будетъ вечеромъ»,— подумалъ я про-себя.

Въ канцеляріи я разумѣется не подалъ и виду,

что меня пожирають такія заботы и хлопоты. Но вскорѣ замѣтилъ я, что нѣкоторыя изъ прогрессивнѣйшихъ газетъ нашихъ какъ-то особенно скоро переходили въ это утро изъ рукъ въ руки моихъ сослуживцевъ и прочитывались съ чрезвычайно серьезными выраженіями лицъ. Первая попавшая мнѣ была — «Листокъ», газетка безъ всякаго особаго направленія, а такъ только вообще гуманная, — за что ее преимущественно у насъ презирали, хотя и прочитывали. Не безъ удивленія прочелъ я въ ней слѣдующее.

«Вчера въ нашей обширной и украшенной великолѣпными зданіями столицѣ распространились чрезвычайные слухи. Нѣкто N., извѣстный гастрономъ изъ высшаго общества, вѣроятно наскучивъ кухню Бореля и — скаго клуба, вошелъ въ зданіе Пассажа, въ то мѣсто, гдѣ показывается огромный, только-что привезенный въ столицу крокодилъ, и потребовалъ, чтобъ ему изготовили его на обѣдъ. Сторговавшись съ хозяиномъ, онъ тутъ же принялся пожирать его (т. е. не хозяина, весьма смирнаго и склоннаго къ аккуратности нѣмца, а его крокодила) — еще живьемъ, отрѣзая сочные куски перочиннымъ ножикомъ и глотая ихъ съ необычайною поспѣшностью. Мало-по-малу весь крокодилъ исчезъ въ его тучныхъ нѣдрахъ, такъ что онъ собирался даже приняться за ихневмона, постоянного спутника крокодилова, вѣроятно полагая, что и тотъ будетъ такъ же вкусенъ. Мы во все не противъ сего новаго продукта, давно уже извѣстнаго иностраннымъ гастрономамъ. Мы даже предсказывали это напередъ. Англійскіе лорды и путешественники ловятъ въ Египтѣ крокодиловъ цѣлыми партіями и употребляютъ хребетъ чудовища, въ видѣ бифштекса, съ горчицей, лукомъ и картофелемъ. Французы наѣхавшіе съ Лессепсомъ

предпочитають лапы, испеченныя въ горячей золѣ, что дѣлають впрочемъ въ пику англичанамъ, которые надъ ними смѣются. Вѣроятно у насъ оцѣнять то и другое. Съ своей стороны мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу не достаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Вслѣдъ за симъ первымъ крокодиломъ, исчезнувшимъ въ нѣдрахъ петербургскаго гастронома, вѣроятно не пройдетъ и года, какъ навезутъ ихъ къ намъ сотнями. И почему бы не акклиматизировать крокодила у насъ въ Россіи? Если невская вода слишкомъ холодна для сихъ интересныхъ чужестранцевъ, то въ столицѣ имѣются пруды, а за городомъ рѣчки и озера. Почему бы напримѣръ не развести крокодиловъ въ Парголовѣ или въ Павловскѣ, въ Москвѣ же въ Прѣсенскихъ прудахъ и въ Самотекѣ? Доставляя пріятную и здоровую пищу нашимъ утонченнымъ гастрономамъ, они въ то же время могли бы увеселять гуляющихъ на сихъ прудахъ дамъ и поучать собою дѣтей естественной исторіи. Изъ крокодиловой кожи можно бы было готовить футляры, чемоданы, папиросницы и бумажники, и можетъ быть не одна русская купеческая тысяча въ засаленныхъ кредиткахъ, преимущественно предпочитаемыхъ кушцами, улеглась бы въ крокодиловой кожѣ. Надѣмся еще не разъ возвратиться къ этому интересному предмету.»

Я хотъ и предчувствовалъ что нибудь въ этомъ родѣ, тѣмъ не менѣе опрометчивость извѣстія смутила меня. Не находя съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, я обратился къ сидѣвшему напротивъ меня Прохору Савичу и замѣтилъ, что тотъ уже давно слѣдилъ за мною глазами, а въ рукахъ держалъ «Волось», какъ бы готовясь мнѣ передать его. Молча принялъ онъ отъ меня «Листокъ»

и, передавая мнѣ «Волось», крѣпко отчеркнулъ ногтемъ статью, на которую вѣроятно хотѣлъ обратить мое вниманіе. Этотъ Прохоръ Савичъ былъ у насъ престранный человѣкъ: молчаливый старый холостякъ, онъ ни съ кѣмъ изъ насъ не вступалъ ни въ какія сношенія, почти ни съ кѣмъ не говорилъ въ канцеляріи, всегда и обо всемъ имѣлъ свое собственное мнѣніе, но терпѣть не могъ кому нибудь сообщать его. Жилъ онъ одиноко. Въ квартирѣ его почти никто изъ насъ не былъ.

Вотъ что я прочелъ въ показанномъ мѣстѣ «Волоса.»

«Всѣмъ извѣстно, что мы прогрессивны и гуманны и хотимъ угоняться въ этомъ за Европой. Но не смотря на всѣ наши старанія и на усилія нашей газеты, мы еще далеко не «созрѣли», какъ о томъ свидѣтельствуетъ возмутительный фактъ, случившійся вчера въ Пассажѣ и о которомъ мы заранѣе предсказывали. Приѣзжаетъ въ столицу иностранецъ-собственникъ и привозитъ съ собой крокодила, котораго и начинаетъ показывать въ Пассажѣ публикѣ. Мы тотчасъ же поспѣшили привѣтствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще не достааетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Какъ вдругъ вчера, въ половинѣ пятаго пополудни, въ магазинѣ иностранца-собственника является нѣкто необычайной толщины и въ нетрезвомъ видѣ, платитъ за входъ и тотчасъ же, безъ всякаго предувѣдомленія, лѣзетъ въ пасть крокодила, который разумѣется принужденъ былъ проглотить его, хотя бы изъ чувства самосохраненія, чтобъ не подавиться. Ввалившись во внутренность крокодила, незнакомецъ тотчасъ же засыпаетъ. Ни крики иностранца-собственника, ни вопли его испуганнаго семейства, ни угрозы обратиться къ полиціи не оказываютъ ни-

какого впечатлѣнія. Изъ внутри крокодила слышенъ лишь хохотъ и обѣщаніе расправиться розгами (sic), а бѣдное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливаетъ слезы. Незванный гость хуже татарина, но не смотря на пословицу, нахальный посѣтитель выходить не хочетъ. Не знаемъ какъ и объяснить подобные варварскіе факты, свидѣтельствующіе о нашей незрѣлости и марающіе насъ въ глазахъ иностранцевъ. Размахистость русской природы нашла себѣ достойное примѣненіе. Спрашивается, чего хотѣлось непрошенному посѣтителю? Теплаго и комфортаго помѣщенія? Но въ столицѣ существуетъ много прекрасныхъ домовъ, съ дешевыми и весьма комфортными квартирами, съ проведенной невской водой и съ освѣщенной газомъ лѣстницей, при которой заводится нерѣдко отъ хозяевъ швейцаръ. Обращаемъ еще вниманіе нашихъ читателей и на самое варварство обращенія съ домашними животными: заѣзжаемъ крокодилу, разумѣется, трудно переварить подобную массу разомъ и теперь онъ лежитъ, раздутый горой, и въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти. Въ Европѣ давно уже преслѣдуютъ судомъ обращающихся негуманно съ домашними животными. Но не смотря на европейское освѣщеніе, на европейскіе тротуары, на европейскую постройку домовъ, намъ еще долго не отстать отъ завѣтныхъ нашихъ предразсудковъ.

Дома новы, но предразсудки стары —

и даже и дома-то не новы, по крайней мѣрѣ лѣстницы. Мы уже не разъ упоминали въ нашей газетѣ, что на Петербургской сторонѣ, въ домѣ купца Лукьянова, забѣжныя ступеньки деревянной лѣстницы сгнили, провалились и давно уже представляютъ опасность для находящейся у него въ

услуженіи солдатки Аѳимьи Скапидаровой, принужденной часто всходить на лѣстницу съ водою или съ охабкою дровъ. Наконецъ предсказанія наши оправдались: вчера вечеромъ, въ половинѣ девятаго пополудни, солдатка Аѳимья Скапидарова провалилась съ суповой чашкой и сломала-таки себѣ ногу. Не знаемъ, починить ли теперь Лукьяновъ свою лѣстницу; русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но жертва русскаго авось уже свезена въ больницу. Точно такъ же не устанемъ мы утверждать, что дворники, счищающіе на Выборской съ деревянныхъ тротуаровъ грязь, не должны пачкать ноги прохожихъ, а должны складывать грязь въ кучки, подобно тому, какъ въ Европѣ при очищеніи сапоговъ и т. д., и т. д.»

— Что же это, сказалъ я, смотря въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Прохора Савича,—что же это такое?

— А что съ?

— Да помилуйте, чѣмъ бы объ Иванѣ Матвѣичѣ пожалѣть, жалѣють о крокодилѣ.

— А что же-съ? Звѣря даже, *млекопитающаго* и того пожалѣли. Чѣмъ же не Европа-съ? Тамъ тоже крокодиловъ очень жалѣють. Хи-хи-хи!

Сказавъ это, чудакомъ Прохоръ Савичъ уткнулся въ свои бумаги и уже не промолвилъ болѣе ни слова.

«Волосъ» и «Листогъ» я спряталъ въ карманъ, да кромѣ того набралъ для вечерняго развлечения Ивану Матвѣичу старыхъ «Извѣстій» и «Волосовъ» сколько могъ найти, и хотя до вечера было еще далеко, но на этотъ разъ я пораньше улизнулъ изъ канцеляріи, чтобъ побывать въ Пассажѣ и хоть издали посмотрѣть, что тамъ дѣлается, подслушать разныя мнѣнія и направленія. Пред-

чувствовалъ я, что тамъ цѣлая давка и на всякій случай поплотнѣе завернулъ лицо въ воротникъ шинели, потому что мнѣ было чего-то немного стыдно—до того мы не привыкли къ публичности. Но чувствую, что я не въ правѣ передавать собственныя, прозаическія мои ощущенія въ виду такого замѣчательнаго и оригинальнаго событія.

КОНЕЦЪ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

Ө. СТЕЛЛОВСКАГО,

поставщика Двора Его Императорскаго Величества,

въ *Больш. Морской, въ д. Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КОМЕДИИ, РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, ВОДЕВИЛИ и проч.

Записки изъ подполья	Повѣсть <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 75
Униженные и оскорбленные.	Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	1 50
Крокодилъ. Необыкновенное событіе или пассажъ въ пассажъ.	Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 40
Скверный анекдотъ.	Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 40
Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ.	<i>Ө. Достоевскаго</i>	— 50
Бѣлая ночь.	Романъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 40
Господинъ Прохарчинъ.	Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Записки изъ мертваго дома.	<i>Ө. Достоевскаго</i>	1 50
Слабое сердце.	Повѣсть <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Хозяйка.	Повѣсть <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 50
Честный воръ.	Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Мг. Батмановъ.	Повѣсть <i>А. Писемскаго</i>	— 75
Боярщина.	Романъ <i>А. Писемскаго</i>	1 —
Бракъ по страсти.	Повѣсть <i>А. Писемскаго</i>	1 —
Разборъ соч. Гоголя.	Критич. статья <i>А. Писемскаго</i>	— 30
А и Ф. Шутка-водевиль въ 1 д.,	<i>П. С. Оедорова</i>	— 50
А вѣдь я неуѣхалъ!	Водевиль въ 1 д., <i>С. Бойкова</i>	— 50
Адвокатъ Пателенъ.	Комедія въ 3 дѣйствіяхъ	— 50
Андріена Лекувреръ.	Драма-ком. въ 5 д., <i>Е. Скриба</i>	— 75
Андрей Степановичъ Бука.	Комедія <i>П. Григорьева</i>	— 75
Бабушкины грѣшки.	Комедія въ 1 дѣйствіи.	— 30
Батистовый платокъ.	Комедія въ 1 д., <i>К. Ушакова</i>	— 50
Билетъ на лотерею Шимановъ и Сероки.	Водевиль, <i>Похвиснева</i>	— 60
Бродяги.	Водевиль въ 1 д., и 6-ти карт., <i>С. Бойкова</i>	— 60
Больной отъ возбужденія.	Водев. въ 1 д., <i>С. Бойкова</i>	— 50
Бобыль.	Сцены изъ русскаго быта, <i>П. Круглополева</i>	— 50
Валенштейновъ лагерь.	Поэма <i>Шиллера</i> , пер. <i>Л. Мея</i>	— 60
Весною.	Фантазія въ 1 д., въ стихахъ, <i>Н. Куликова</i>	— 50

передѣланномъ и дополненномъ новыми произведеніями изданій, графа Л. Н. Толстаго, А. Ѳ. Писемскаго, *просмотрѣнные и передѣланныя авторомъ*. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ) и сочиненія Вс. В. Крестовскаго, (съ портретомъ автора.)

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ», и комедія «Ипохондрикъ» соч. А. Ѳ. Писемскаго.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя» соч. А. Ѳ. Писемскаго.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» соч. А. Ѳ. Писемскаго.

Въ четвертый: всѣ поэмы, лирическія стихи, сказки, повѣсти и рассказы, соч. Вс. В. Крестовскаго.

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маркера», «Люцернъ» изъ записокъ князя Д. Нехлюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа Л. Н. Толстаго.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Метель», «Поликушка», «Казакъ», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи» соч. графа Л. Н. Толстаго.

Въ седьмой: «Записки изъ мертвого дома», въ новомъ полномъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣдные люди», «Бѣлыя ночи» и «Честный воръ», соч. Ѳ. М. Достоевскаго.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ», «Скверный анекдотъ», и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. Ѳ. М. Достоевскаго.

Въ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 выпуски войдутъ слѣдующія сочиненія:

Въ девятый: Всѣ сочиненія Грибоѣдова, Дмитриева и Батюшкова. Въ новомъ просмотрѣнномъ видѣ.

Въ десятый: «Тамаринъ» романъ въ трехъ повѣстяхъ: 1) Варинька, — 2) Записки Тамарина, — 3) Ивановъ. Вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. «Ясныя дни» Идиллія, «Горы» рассказъ, «Деревенскій визитъ». Анекдотъ,

«Нынѣшняя любовь» повѣсть, и «Поѣздка на кумысъ и письма съ дороги», соч. М. В. Авдѣева.

Въ одиннадцатый: «Подводный камень» романъ въ двухъ частяхъ, вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ.— «Огненный змѣй» рассказъ,— «Дорожные записки» Изъ поѣздки на Кавказъ,— «Порядочный человекъ» повѣсть,— «Письма изъ за границы», — «На дорогу» повѣсть, — соч. М. В. Авдѣева.

Въ двѣнадцатый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Нечочка Незванова», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Новый романъ написанный для этого изданія и нигдѣ еще непечатанный» соч. Ф. М. Достоевскаго.

Въ тринадцатый: «Взбаломученное море» романъ въ шести частяхъ. Вновь просмотрѣнный, исправленный и дополненный самимъ авторомъ.— «Батѣка» рассказъ,— «Записки черта», — «Завѣщаніе» рассказъ,— «Путешествіе въ Астрахань» рассказъ,— «Армяне», «Татары», «Калмыки» очерки.— «Записки Салакушки», и «Новыя произведенія» написанныя для этого изданія и нигдѣ еще непечатанныя» соч. А. Ф. Писемскаго.

Въ четырнадцатый: Всѣ сочиненія Фонъ-Визина. Въ новомъ просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ.

Въ пятнадцатый: Всѣ сочиненія князя В. Ф. Одоевскаго, вновь просмотрѣнные и исправленные самимъ авторомъ.

Въ шестнадцатый и семнадцатый: Всѣ сочиненія Ломоносова. Въ новомъ просмотрѣнномъ изданіи.

Въ восемнадцатый: «Преступленіе и наказаніе» романъ Ф. М. Достоевскаго и всѣ сочиненія Озерова и Новикова.

Въ девятнадцатый и двадцатый: Всѣ сочиненія Гнѣдича, Сумарокова и другихъ. Въ новомъ просмотрѣнномъ изданіи.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска три р., съ пересылкою 3 р. 50 коп.,—а по

ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ НА ИЗДАНІЕ ЭТО ПОДПИСКѢ НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ три руб. сер. за послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», а равно и за право получить какъ вышедшіе, такъ и имѣющіе выйдти въ свѣтъ всѣ выпуски этаго изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.

2007115449